

напряженный спор о добре и зле, о первопричине и сущности зла в мире. В монологе Сатаны звучит лейтмотив Ивана Карамазова — за зло ответственно добро. Проповедуя добро, Достоевский видит в нем силу, способную на все, однако предельная доброта князя Мышкина (народом названного Идиотом) не достигла цели. Таким образом, доброта — своеобразное зло, так как, не сопротивляясь, способствует злу и тем вредит обществу и человеку. У Случевского эта мысль выражается в словах:

Зло от добра порой неотличимо;
В их общей валости болеет мир...²⁸

В поэме «В том мире» (1902) добро и зло приобретают форму нарочито резкую. Добро и зло не существуют сами по себе, их носителями являются люди, а значит, во власти людей дать проявление тому или другому началу.

Добра и зла в природе нет;
Их мощь лишь в людях проступает,
И в них добро — развитие, свет,
Зло — смерть, развитие убивает.

* * *

Добру присуще быть всегда охраной
И защищать всё то, что в жизнь пошло
Мешать, вредить, злорадствовать, печалить
И умерщвлять, что можно, — это зло!²⁹

Случевский, подобно Достоевскому, был религиозен. Однако на путях и перепутьях жизни он часто, как Достоевский, не только сомневался и терял веру, но доходил до страстного отрицания бога. Как поэт мысли, в истории русской литературы он сыграл скорее роль Мефистофеля; в его поэзии столько скепсиса, сомнения и отрицания, которые мало гармонировали с религиозными идеалами. Ко всем творениям Случевского можно было бы поставить эпиграфом строки из его стихотворения «Я видел Рим, Париж и Лондон»:

Я богу пламенно молился,
Я бога страстно отрицал...³⁰

Художественный мир Достоевского вращается вокруг человечества, а не вокруг бога. «Найти человека в человеке» — так формулирует Достоевский основную задачу искусства.³¹

Отрицая бога, Случевский в своей поэзии обращался к человеческому уму. Человеческий ум для Случевского есть высший синтез всех сил и энергий, данных на земле природе и самому

²⁸ Случевский К. К. Стихотворения и поэмы, с. 366.

²⁹ Случевский К. К. Забытые стихотворения. Мюнхен, 1968, с. 107 и 109.

³⁰ Случевский К. К. Стихотворения и поэмы, с. 234.

³¹ Биография, письма и заметки из записной книжки Ф. М. Достоевского. СПб., 1883, с. 373 (Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч., т. 1).

человеку. Поэт верит в мощь человеческой мысли, и в то, что придет день, когда добро и зло будут взвешены на весах науки и человек победит:

Сумеют люди вскрыть причастности добра,
Зло расчленият и в нем паи отметят.
Мы в полночь теперь, далеко до утра,
В нас только проблески сознания слабо светят.³²

Достоевский был дорог Случевскому до конца его дней, вероятно, поэтому он дорожил и своим «Очерком». Об этом читаем в его письме к А. Г. Достоевской от 2 февраля 1904 г.:

«Беспокою Вас, сердечпочтимая Анна Григорьевна, моею искреннею просьбою!

Нет ли у Вас, случайно, моей биографии Федора Михайловича? Я собираю свои разбросанные работы, и этой именно, которая, кажется, была по сердцу, у меня нет.

Если просьба моя может быть исполнена, то сообразовите дать два слова в ответ по адресу: Фонтанка, 127. Пользуюсь случаем и свидетельствую мое глубочайшее и искреннейшее почтение».³³

Для Случевского Достоевский был выше всех современных ему писателей; он воплотил в своих персонажах противоречия мира действительности и требования философской мысли. В своем отношении к Достоевскому, к его творчеству, Случевский-художник поднялся выше Случевского-публициста.

М. ДУНАЕВ

ДОСТОЕВСКИЙ И ШМЕЛЕВ

Среди имен писателей, оказавших то или иное влияние на творчество и мировоззрение И. С. Шмелева, одним из первых необходимо назвать Ф. М. Достоевского. Воздействие это неоднозначно. В лучшем, что он написал, Шмелев был продолжателем традиций великого писателя в русской литературе начала XX в., воспринявшим сильные стороны его реализма. Взаимосвязь и взаимоотталкивание с творчеством Достоевского порою ясно осознавались самим Шмелевым, иногда же проявлялись в его произведениях стихийно.

Шмелев начал свой творческий путь как певец «униженных и оскорбленных». Подобно Достоевскому, он разоблачает жестокость власти денег, с состраданием описывает тех, кто является жертвой буржуазной эксплуатации. Демократизм и любовь к народу-труженику постоянны в его произведениях.

³² Случевский К. К. Забытые стихотворения, с. 42.

³³ ГВЛ, ф. 212, III. 7. 105, п. 15.

Изображение жизни «униженных и оскорбленных» тесно смыкается у Шмелева с темой «маленького человека» — давней и традиционной темой передовой русской литературы. Оценивая значение романа Достоевского «Бедные люди», Шмелев позднее писал: «Вопросы социальные явно проступали в романе „Бедные люди“, что и восхитило Белинского: впервые в русской литературе ставился вопрос о страданиях „маленьких людей“». ¹ Конечно, не совсем верно было связывать самое зарождение темы «маленького человека» с «Бедными людьми», но в данном случае важно то, что для Шмелева эта тема была неразрывно сплетена с именем Достоевского, и разрабатывая ее в собственном творчестве, он считал себя в известном смысле преемником великого писателя.

Шмелева с Достоевским сравнивала еще дореволюционная критика. Первым это сделал Львов-Рогачевский, прямо указавший на сходство центральных образов повести «Человек из ресторана» (1911) с «маленькими людьми» Достоевского. ² Критик газеты «Россия» А. Б-н (А. К. Бороздин) писал о «Человеке из ресторана», что повесть эта «имеет то же значение для нашего времени, какое некогда имели „Бедные люди“». ³ Такого же мнения придерживался А. Бурнакин, проводивший параллель между Макаром Деушкиным и Яковом Скороходовым. ⁴

Шмелев, однако, не только наследовал демократические позиции, но, в известном смысле, развивал их. Герой его произведений — не просто угнетенный и оскорбленный социальными условиями «маленький человек». Он начинает осознавать свое положение, изучает и оценивает окружающую действительность, в нем поднимается протест, стремление к борьбе с неправдой жизни. Таковы, например, герой рассказа «Жулик» мелкий чиновник Крошкин или (в большей степени) нищий сапожник Уклейкин.

Психологический рисунок некоторых характеров у Шмелева также заставляет нас вспомнить Достоевского. Самым показательным примером является образ Кривого, жильца Скороходовых («Человек из ресторана»), выписанный с большой художественной силой, с глубоким проникновением в психологию человека, надорванного непосильными тяготами жизни. В душе Кривого — и «дьявольская» гордость, и отчаяние, и ненависть к людям, и униженность перед ними. Кривой и жалок в своем ничтожестве, и трагичен в безысходности своего положения, и отвратителен в предательстве. Он других заставляет страдать, являя перед всеми свою подлость и высокомерие, сочиняя доносы в полицию, и сам страдает прежде и больше всех. Его изощренная чувствительность позволяет ощутить по отношению к себе малейшую ложь. Когда, например, Скороходов после выражения искреннего

¹ Шмелев Ив. О Достоевском. Париж (без даты), с. 12.

² См.: Современный мир, 1911, № 10, с. 334—335.

³ Россия, 1912, 29 февраля, № 1930, с. 4.

⁴ См.: Новое время, 1912, 24 февраля, № 12914, с. 5.

сочувствия Кривому, по все же из опасения новых неприятностей и допосов хочет «задобрить» своего жильца и предлагает ему «пирожка закусить», тот воспринимает это как тяжкое оскорбление: «Чи-то-ссс? Пир-рожка-а? Это вы что же, на смех? На тебе пирожка! Ты вот, сукин сын, такой мерзавец, Кривой... Вы меня всё Кривым!.. а мы тебе пирожка?.. А? Вам за пирожок падо покою ночного? Купить меля пирожком? А утром вы мне пирожка предложили? Вы два пирога пекли и не предложили!..» ⁵ Кривой и страдает, и наслаждается своими страданиями. Быстрые перемены от одного настроения к другому вследствие душевного надрыва и изломанности натуры, одновременно гордой и находящей удовольствие в самоунижении, безысходность отчаяния и ненависть к окружающим придают образу Кривого резко трагическую окраску. За оскорбление своего самолюбия Кривой стремится отомстить всем — и правым и виноватым. Этот образ вполне сопоставим с образами кривляющихся, запосычивых, самоунижающихся и страдающих «шутов» Достоевского типа штабс-капитана Спегирева. Душевный надрыв приводит Кривого к самоубийству, мысль о котором с наслаждением рассматривает как акт мести своим «мучителям»: «Все супротив меня! Ну, так знайте! Я всем причесал: и приставу, подлецу, и дорогой супруге, и всем!.. И всем вам язык покажу! Будьте покойны!» ⁶ Перед смертью Кривой пишет ложные доносы в полицию на своих оскорбителей.

В произведениях Шмелева слышится горячий протест против «нравственных пятен» высшего сословия, обличение человеческой подлости и лицемерия. Говоря словами Горького, давшего в свое время точную и меткую характеристику Достоевского, можно сказать, что в творчестве Шмелева (особенно в таких произведениях, как повесть «Человек из ресторана» или рассказ «Забавное приключение») пробудилась «большая совесть папа». Однако идеал, противопоставленный автором всем отрицательным сторонам действительности, противоречив.

С одной стороны, Шмелев тяготится к «божьей правде» героев, подобных «старичку, который торговал теплым товаром», с другой — он нередко сочувствует правде революционеров. В целом, однако, противопоставление этих двух «правд» для творчества Шмелева не характерно. В поисках идеала писатель все более обращался к идее «нравственного просветления», к вере в надсоциальные законы «светлого неба». Этические основы жизни человека он связывал с основами религиозными, и, как сам впоследствии говорил, эта же идея представлялась ему главной у Достоевского, несомненное влияние которого проследывается в небольшой повести Шмелева «Лик скрытый» (1916). Скрытый лик жизни пытается увидеть и обрести в душе своей ее герой капитан Шеметов: он рассуждает о науке «жизни Мировой Души, о Миро-

⁵ Шмелев И. Человек из ресторана. М., 1957, с. 45.

⁶ Там же, с. 47.

вом Чувство, о законах направляющей Мировой Силы. Вы верите в незыблемые законы материи, — говорит Шеметов материалисту, — их вы можете уложить в формулы. Но есть законы, которые в формулы еще никто не пробовал уложить <...> Ее законы еще и не нащупаны... и величайший, быть может, закон — закон непонятной нам Мировой Правды!»⁷ Шеметов «устанавливает» закон всеобщей ответственности человечества за все страдания, попавшие кем-либо на земле, «закон Великих Восов», на которых учитывается «и писк умирающего какого-нибудь самоедского ребенка, и мертвая жалоба обиженного китайца, и слезы нищей старухи, которая <...> плетется сейчас где-нибудь в Калужской губернии... и подлое счастье проститутки-жены, которая обнимает любовника, когда ее муж в окнах! Громаднейшие весы, а точность необычайная. Закон тончайшего равновесия».⁸ Искупление страданий Шеметов видит в необходимости новых страданий, и это искупительное страдание, новый «Крест», приведет человечество в «небесное Царствие».

Здесь много близкого и Достоевскому.

Можно провести прямую параллель между «писком умирающего какого-нибудь самоедского ребенка» и «слезинками ни в чем неповинного ребенка» у Достоевского. Идея искупления греха через страдание также характерна для автора «Братьев Карамазовых». Мысль о всеобщем равновесии и ответственности человечества за страдания каждого является дальнейшим развитием этой идеи и не случайно связывается героем повести с именем Достоевского.

«— Это что-то у Достоевского... — сказал Сушкин, но вспомнить не мог.

— Не знаю. А если у Достоевского есть — очень рад. Да и не может не быть у Достоевского этого. Он имел тонкие инструменты и мог прикасаться к Правде».⁹

Война представляется герою Шмелева как «сколачивание Креста», на котором будет принято человечеством искупительное страдание.

В «Лике скрытом» автор сталкивает две жизненные позиции, два подхода к сущности войны. Подпоручик Сушкин рассматривает войну как проявление воли и энергии деятельных людей, что, по его мнению, и составляет подлинную сущность жизни. Человек зависит от своей воли, от своих усилий, и только от этого. Но дальнейшие события показывают Сушкину, как мало зависят обстоятельства жизни от его воли, и он принимает в конце концов идеи Шеметова.

Сочетание этического и эстетического в оценке жизненных явлений характерно для повести Шмелева «Неупиваемая чаша»

⁷ Шмелев Ив. Рассказы, т. 8. М., 1917, с. 17—18.

⁸ Там же, с. 18.

⁹ Там же.

(1918). Истина жизни открывается крепостному художнику Илье Шаронову в моменты мистического единения с силами Добра и Правды, в которых он черпает энергию для создания чудотворной иконы «Неупиваемая чаша». Икона, явившаяся и прекрасным произведением искусства, воплотила в себе представление о некой небесной Красоте, законы которой незыблемы в этом мире и противопоставлены автором всем проявлениям зла. В этой мысли чувствуется отголосок идеи Достоевского: «Красота спасет мир».

Влияние Достоевского-мыслителя особенно явственно в мировоззрении и творчестве Шмелева в эмигрантский период его литературной деятельности. В эти годы Достоевский для Шмелева — прежде всего «дерзновенный мыслитель, пророк грядущей катастрофы».¹⁰ Борьба с мраком, утверждение веры в жизнь и добро — основное содержание Достоевского в понимании позднего Шмелева. Романы «Идиот» и «Братья Карамазовы» он называет «религиозными». Вопрос о боге, который, по мнению Шмелева, был главным в творчестве Достоевского, проявился в этих произведениях с особой силой. В «Идиоте» «победил бессмертный дух жертвы»,¹¹ в «Братьях Карамазовых» же автор подошел к дополняющей жертву идее «великой воли и деятельной любви».¹²

Таким образом, в отношении к Достоевскому отражается общая эволюция мировоззрения Шмелева. Если в дореволюционный период творчества его остро волновали вопросы социальной жизни, то в эмиграции интерес к ним постепенно вытесняется проблемами нравственно-религиозными. Именно под влиянием Достоевского «приземленный бытовик» Шмелев предпринимает в «Лике скрытом» и «Неупиваемой чаше» попытки философского осмысления действительности и выведения «мировых законов» бытия.

Г. А. ЛАПКИНА

В ПОИСКАХ НОВЫХ РЕШЕНИЙ

(Достоевский на советской сцене. 1920—1930 гг.)

1

Уже с конца XIX в. отчетливо обозначилось воздействие литературы на эстетику театра. Классическая русская проза заняла на сцене большое место, она во многом определила направление художественных поисков, расширила границы сценического реализма. Она оказалась необходимой для развития русской режиссуры. Эпическая в основе, но подвижная, вбирающая в себя раз-

¹⁰ Шмелев Ив. О Достоевском, с. 3.

¹¹ Там же, с. 21.

¹² Там же, с. 22.